

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ В СРАВНЕНИИ С ОСЕДЛЫМИ НАРОДАМИ

Кошман В. А.

*Таврический университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

В статье анализируются проблемные вопросы, которые возникают при сравнении кочевых государственных образований с земледельческими. Проводится сравнение с государствами Древней Месопотамии и Латинской Америки доколумбовой эпохи.

Ключевые слова: кочевые народы, государственность, Мезоамерика, Древняя Месопотамия.

В свете разработки данного вопроса такими политологами и антропологами, как А.М. Хазанов, Т. Барфилд, Д. Снэт, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынниковой возникает ряд проблем при характеристике политических образований кочевников.

В истории государства и права же вопросу государственности кочевых народов как специфическому виду догосударственных и государственных образований уделялось незначительное внимание. Необходимость восполнения данного пробела и обуславливает актуальность данного исследования.

Целью работы является проведение сравнения ранних государственных образований кочевых народов с аналогами среди наиболее ранних форм земледельческих государств и выявление общих признаков, присущих этим государствам.

Поскольку государственные институты оседлых народов к моменту появления кочевников прошли значительный путь развития, то сравнение значительно позже образованных государств кочевников с одновременно существовавшими земледельческими является неверным.

Кочевники хоть и создавали свои высокоорганизованные политии (вроде кочевых империй), однако они не копировали государственные институты у оседлых народов, а формировали их самостоятельно. За исключением случаев, когда кочевники инкорпорировались в систему существующего государства (например, Тоба-Вэй и империя Ляо Киданей).

Как нам видится, наиболее оправданным является сравнение с первыми земледельческими государствами, которые впервые в истории своего региона проходили путь трансформации старой родоплеменной иерархии и выработки новой, которая заложила основные направления формирования государственности для многих последующих государств. В данном случае необходимо вести речь о шумерских городах-государствах и Эламе, классическом периоде культуры майя и постклассическом периоде тольтеко-майя, а также ацтеков и сапотеков. Такой выбор для сравнения обосновывает-

ся тем, что выработка управляющей надстройки развития полития от временных форм, зависящих от лидера – вождества, к созданию стабильной общественной надстройки, обладающей высшим суверенитетом над всеми остальными и имеющей преемственность власти, то есть данная структура выделяется и трансформирует существующую родоплеменную, что и происходило в вышеуказанных обществах.

Центральной проблемой, которая является камнем преткновения по классификации кочевых политий как государства, является то, что при существовании надстройки основная часть кочевого населения сохраняла действующую родоплеменную иерархию и не поддавалась постоянной эксплуатации со стороны сформированной надстройки управления. Рассматривая концепции различных авторов (А.М. Хазанова, Т. Барфилда, Н.Н. Крадина) [1; 2], можно прийти к заключению, что основной формой эксплуатации в так называемых «кочевых империях» были даннические взаимоотношения с оседлым населением или подчиненными объединениями кочевников. Что характеризуется указанными выше авторами как «ксенократические политии». Можно сделать вывод, что основной формой эксплуатации было подчинение иных народов, прежде всего земледельческих. Если вопрос о формах эксплуатации оседлого населения в форме «подарков» и неравноценной торговли, что было фактически данью, не вызывает существенных разногласий у различных авторов, то ответ на вопрос об эксплуатации остального кочевого населения правящим племенем дается отрицательный.

В тоже время на примере Монгольской империи Т.Д. Скрынникова, делает вывод, что не только сами монголы, но и подчинённые народы основывались на военной иерархии (система туменов) [2, с. 512–522]. Поскольку основной формой дохода политической надстройки кочевой империи была дань, то можно предположить, что основной и, главное, регулярной формой эксплуатации была обязанность членов доминирующего кочевого объединения участвовать в военных походах на подчиненные народы. Подобная форма эксплуатации принималась советскими авторами за феодальные отношения, что, по нашему мнению, является неверным, поскольку кочевые народы никогда не имели основы для создания феодальных отношений. Однако, поскольку рядовые кочевники несли военную обязанность, это позволяет сделать вывод, что именно такая форма эксплуатации и была характерной для развитых кочевых политий и имела регулярный характер, что можно рассматривать как воинскую повинность. Тем самым они обеспечивали основой доход политической надстройки кочевой империи.

Одним из важных источников доходов кочевых политий, в частности Монгольской империи и политии скифов, была международная торговля с земледельческими обществами. Так, монголы впервые объединили в мир-систему пространство между Китаем и Европой включительно, обеспечив бесперебойную работу караванов. А скифы поставляли многочисленных рабов и иные товары, которые пользовались спросом на обоих побережьях Эгейского моря. Пример такого оседлого государства, как островная империя Маджпапахит в юго-восточной Азии, которая жила на основе получения необходимого прибавочного продукта за счет контроля путей международной торговли, подтверждает тот факт, что интенсивная международная торговля выступала существенным фактором образования государства.

В.И. Гуляев и А.Н. Веретенников приводят свидетельства того, что первые города-государства выросли из объединения нескольких крупных сельских поселений, имевших в своей основе родоплеменную иерархию, как объединения вокруг общих культовых центров, которые, несмотря на внушительное население, первоначально были незначительно заселены [3; 4].

Также первоначальный рост населения городов-государств был связан с процессом урбанизации и перехода жителей сел и деревень в первоначально единый культовый центр, который затем становился городом государством, сохраняя при этом атрибуты родоплеменной структуры и неустойчивой надстройки политической, характерной для вождеств.

По мнению Ю.Е. Березкина, инкское общество находилось где-то на пороге перехода от общинно-родственной формы определения социальных связей к сословно-классовой [5]. Правящая группа в нем являлась одновременно кастой и этносом. В индейских догосударственных обществах внутри- и межобщинные отношения находят свое самое яркое выражение (и тем самым закрепляются как должные, утвержденные волею божественных предков) во время так называемых переходных обрядов: посвячительных и поминальных. У инков такие обряды были переосмыслены и использованы для закрепления уже не половозрастных или этнических, а социально-кастовых различий. Инки превратили почитание мумифицированных останков своих вождей, а позже императоров, в государственный культ. Столичная аристократия представляла собой лишь небольшую часть привилегированного слоя империи, в основном состоявшего из провинциальных вождей и старейшин. Степень знатности определялась местом человека в общинно-родовой структуре того или иного этноса.

Также согласно анализу ряда отечественных авторов в протописьменный и раннединастический периоды в структуре управления города-государства повторялось устройство крупной племенной общины, для которой были характерны родоплеменная иерархия и ряд специфических органов, вроде совета старейшин и временно выбираемого вождя [6]. И только в процессе развития и появления Державы Саргона Аккадского вводится ряд нововведений, при которых иерархия покоренных городов-государств окончательно теряет свое значение, замещается вместо системы дворцового и храмового хозяйства во главе с лугалем и энси системой наместников. Стоит отметить, что первоначально лица, имевшие титул лугаля, были временными вождями, которые выполняли функции военачальников.

Полагаем, что мнение о признании в качестве необходимого признака государства наличие письменности со стороны представителей интегративного подхода в политической антропологии является неверным. Так, высокоразвитая иерархия Инкской империи приводит убедительный пример существования государства без применения письменности, несмотря на наличие так называемого «кипу» – узелковой системы счета.

Вопрос об отсутствии у кочевников одного из признаков государства, в частности монополии на применение насилия исключительно государственным аппаратом, является одним из спорных. Данный признак государства является обязательным в теории государства и права, однако в условиях ранних государств при сохранении ро-

дового строя закреплялось право главы рода или старейшин на санкционированное применение насилия. Подобные институты сохранялись в существовавших длительное время государствах, например в Древнем Китае. Известно право отца на распоряжение жизнью и применение насилия в отношении своих детей и членов рода, вплоть до убийства. Несомненно, подобные древние традиции санкционировались государством, однако их наличие в столь развитых (на тот момент) государствах позволяет выдвинуть гипотезу об отсутствии монополии на применение насилия исключительно представителями власти в ряде ранних государств, в которых сохранялись еще старые традиции, таких как вышеупомянутые города-государства постклассического периода майя и иных. Фактическое признание ранними государствами и внешняя легитимация применения подобного насилия свидетельствует о том, что государство (особенно в условиях отсутствия письменности) всего лишь принимало как данное такие традиции и не препятствовало их осуществлению. В процессе развития земледельческих государств подобная монополия устанавливалась. Доказательством того, что монополия власти на применение насилия не является обязательным признаком наиболее ранних государств есть и тот факт, что в ряде вожеств (например, у североамериканских индейцев) такой признак присутствовал.

Поскольку условия жизни кочевых народов не позволяли провести в жизнь полноценную монополию на применение насилия, однако, учитывая построение политики на основе военной иерархии, позволяет предположить, что монополия на применение насилия действовала в сфере военного дела (в случае совершения военных преступлений). На это указывает С.А. Васютин в статье «Типология потестарных и политических систем кочевников»: «У номадов чиновничий аппарат возникал и осуществлял свою деятельность, как правило, только в военной и судебной сферах (для большинства кочевых народов характерна жестокость наказаний, как правило, любые нарушения военной дисциплины карались смертью)» [1, с. 63–71].

Поэтому на основе вышеизложенного можно сделать вывод, что с учетом особенностей кочевого хозяйства кочевники в развитии своей политической организации прошли такой же путь, как и наиболее ранние земледельческие государства Старого и Нового Света. Стоит отметить, что сходным является и то что, ксенократическими политиями можно назвать многие земледельческие государства, например Ацтекское государство, поскольку процветание столь крупных политических надстроек возможно исключительно за счёт экстенсивного получения прибавочного продукта в виде даннических отношений с условным подчинением гегемону других политий и передачи дани ему.

Изучение государственных образований Нового Света позволяет решить проблему о сохранении родоплеменной структуры у кочевых народов, а также показать, что это образование классов, как это происходило в итоге развития государственности оседлых народов, а кочевые народы так никогда и не смогли пересечь черту превращения раннего государства в последующие формы государственного устройства. Однако они не были единственными, кто столкнулся с подобной проблемой. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении государств доколумбовой эпохи Латинской Америки. По нашему мнению, препоной являлось отсутствие качественных изменений в способах извлечения прибавочного продукта через земледелие и скотоводство.

Таким образом, считаем необходимым говорить об аналогии структурной сложности и признаков между кочевыми империями и государствами доколумбовой эпохи Латинской Америки, а также с шумерскими городами в протописьменный и частично в раннединастический периоды, что позволяет предположить о наличии наиболее ранних форм государства у кочевых народов Евразийской степи, вроде скифов, монголов и иных в определенные этапы функционирования этих политий. Об этом свидетельствует общность признаков с признанными ранними формами государства при отсутствии ряда необязательных признаков, которые выделяют современные ученые-государствоведы.

Список литературы:

1. Кочевая альтернатива социальной эволюции : сборник статей / под. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. – М. : ПМЛ Института Африки РАН, 2002 – 187 с.
2. Раннее государство, его альтернативы и аналогии : сборник статей / под. ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Кортаева. – Волгоград : Учитель, 2006. – 560 с.
3. Гуляев В.И. Города-государства майя (структура и функции города в раннеклассовом обществе) / В.И. Гуляев. – М. : Наука, 1979. – 304 с.
4. Веретенников А.М. Города майя и ацтеков / А.М. Веретенников. – М. : Вече, 2003. – 208 с.
5. Берёзкин Ю.Е. Инки. Исторический опыт империи / Ю.Е. Березкин. – Ленинград : Издательство «Наука», 1991. – 234 с.
6. История Древнего Востока: зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации : в 2 ч. / под ред. И.М. Дьяконова. – М. : Наука, 1983– . – Ч. 1 : Месопотамия. – 1983. – 534 с.
7. Дьяконов И.М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней / И.М. Дьяконов. – Изд. 2-е, испр. – М. : КомКнига, 2007. – 384 с.

Кошман В. О. До питання про державність кочових народів у порівнянні з осілими / В. О. Кошман // Вчені записки Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського. Серія: Юридичні науки. – 2014. – Т. 27 (66). № 4. – С. 15-19.

У статті аналізуються проблемні питання, які виникають під час порівняння кочових державних утворень з осілими. Проводиться порівняння з державами Стародавньої Месопотамії та Латинської Америки доколумбової епохи.

Ключові слова: кочові народи, державність, Мезоамерика, Давня Месопотамія.

ABOUT QUESTION OF NOMADIC STATEHOOD IN COMPARISON WITH SETTLED

*Koshman V. A.
Taurida National University named after V.I. Vernadsky,
Simferopol*

Author analyzes problem questions of comparison between nomadic and agricultural states. Nomadic states compare with states of the Ancient Mesopotamia and Latin America of pre-Columbian epoch.

Key words: nomads, statehood, Mesoamerica, Ancient Mesopotamia.